

О принципах создания словаря сюжетов и мотивов русской литературы

В настоящем сообщении раскрываются основные характеристики создаваемого коллективом авторов Института филологии СО РАН «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы», в том числе в связи с общей проблематикой литературоведческой компаративистики.

Поскольку первые опыты реализации словаря сюжетов принадлежат фольклористам, именно фольклорные словари-указатели послужили основными образцами этой работы. Бурное развитие фольклористики в XIX в., в первую очередь сравнительно-историческое изучение сказки, вызвало многочисленные попытки систематизации огромного материала¹. Международное признание получил указатель сказочных сюжетов, составленный А. Аарне². Несмотря на отмеченные критиками недостатки этого каталога, прежде всего «субъективность и условность в разбивке сюжетов на группы и в порядковом распределении сказочных тем»³, именно он стал основой для дальнейшей каталогизации сказочного материала, в том числе для сводного многонационального указателя, составленного Ст. Томпсоном⁴.

Словари сюжетов и близкие к ним издания занимают большое место в зарубежном сравнительном литературоведении. Так, ряд значительных словарей опубликовала Е. Френцель⁵. Ее труды примыкают к широко распространенному в западной традиции типу «словарей символов», где рассматриваются отдельные библейские, мифологические и иные символы, функционирующие в системе словесной культуры⁶. Широко известны также словари тематики и мотивики западной литературы Х. Дэммуриха и И. Дэммурих⁷.

Единственный опыт словаря, посвященного сюжетике русской литературы, принадлежит польской исследовательнице Э. Малек⁸. Как указывает автор, ею зарегистрировано около 1 500 сюжетов, в основном выявленных на материале фацетий и анекдотов. Этот словарь представляет заметное явление в ис-

следовании сюжетов и мотивов русской литературы, однако он ограничен хронологически и, что особенно существенно, тематически (включает сюжетику только определенного типа), и поэтому с его выходом проблема создания общего словаря сюжетов и мотивов русской литературы не снимается.

Работа над таким словарем ведется в Институте филологии СО РАН с 1995 г. За это время Институтом проведено 15 научных конференций по данной проблематике; опубликована серия сборников статей и материалов к словарю, а также несколько монографий, сфокусированных на общей тематике словаря; в 2003 г. вышел в свет первый экспериментальный выпуск словаря⁹, к которому в настоящее время добавились еще два¹⁰.

Разработка теоретико-методологических оснований «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы» ведется одновременно с практической работой по его составлению. В центре внимания исследователей находится как общая концепция¹¹, так и частные вопросы теории сюжета и мотива применительно к проблемам составления словаря¹².

Взятые вместе, эти труды позволяют сделать некоторые обобщения теоретико-методологических вопросов словарной работы с литературными сюжетами и мотивами, а также определить отношение подхода, сложившегося при работе со словарем, к традициям понимания сюжета и мотива в филологической науке в целом и в сравнительном литературоведении в частности.

Позволим себе сделать это в самой краткой форме.

С точки зрения современной нарратологии понятия «сюжет» и «мотив» не являются первичными и для их последовательного определения следует обратиться к базовым понятиям нарратива и события.

Учитывая прямую связь данных понятий, нарратив можно трактовать в предельно общей форме: это, собственно, изложение со-

бытий¹³. Событие, в свою очередь, формируется в рамках нарратива и представляет собой фиксацию определенного момента происходящего (в том числе вымышленного происходящего) в рамках определенной точки зрения¹⁴.

Понятие нарратива не маркировано дополнительными признаками, в отличие от понятий фабулы и сюжета. Введение этих понятий существенно проясняет возможные методологические подходы к табуляции нарративного литературного материала.

Фабулу мы понимаем как аспект нарратива, взятый с точки зрения причинно-следственных и пространственно-временных отношений между изложенными событиями, т.е. отношений смежности по Р.О. Якобсону¹⁵ (такое понимание фабулы отвечает и ее классическому определению Б.В. Томашевским¹⁶). Сюжет — это аспект нарратива, взятый с точки зрения отношений со- и противопоставления изложенных событий, т.е. отношений сходства по Р.О. Якобсону¹⁷, в необходимом отвлечении от фабульных связей. Фабульная синтагма событий, увиденная в плане их разносторонних смысловых отношений, предстает в виде парадигмы сюжетных ситуаций¹⁸. Фабула синтагматична, сюжет парадигматичен. Соответственно, по мере развертывания нарратива все растущая фабульная цепь событий будет обращаться все возрастающим сюжетным объемом смысловых сцеплений этих событий.

Но так дело обстоит с нарративом в сфере неканонических жанров. А в области канонических, например в волшебной сказке или в рыцарском романе, с самого начала фабула в общих чертах известна, предугадываема и соответственно очерчен, определен смысловой объем сюжета. В таком случае в плане читательской рецепции на первое место выйдет не сюжетная интерпретация фабулы, а реактуализация сюжетного смысла уже известной фабулы. Это означает, что в канонических повествовательных жанрах оппозиция фабулы и сюжета в значительной степени ослаблена или полностью снята.

Поэтому применительно к литературным традициям, учитывающим повествовательные схемы фольклора, древних и средневековых литератур, правомерно говорить о сюжете, понимая под ним канонически заданное фабульно-сюжетное единство. Такова общая традиция сюжетографии. Таков и подход, принятый в «Словаре сюжетов и мотивов»,

поскольку он принципиально учитывает повествовательные связи и линии преемственности средневековой и новой русской литературы.

Характерным направлением работы по составлению «Словаря» в области мотивики также становится исследование мотивов как в составе средневековых литературных текстов, так и в системе литературы нового времени. В общем плане такая постановка вопроса отвечает генеральному направлению исторической поэтики, обозначенному А.Н. Веселовским в рамках задачи определения «роли и границы предания в процессе личного творчества»¹⁹. Именно мотив как носитель устойчивых значений и образов повествовательной традиции и одновременно как элемент, участвующий в сложении повествования конкретных произведений, обеспечивает связь «предания» и сферы «личного творчества».

В рамках подхода, принятого в работе над словарем, под мотивом понимается обобщенная форма семантически подобных событий, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы. В центре семантической структуры мотива — собственно действие, своего рода предикат, организующий потенциальных действующих лиц и потенциальные пространственно-временные характеристики возможных событий нарратива. Так, можно говорить о «мотиве погони» или «мотиве преступления», имея в виду то, что в различных фольклорных и литературных произведениях эти мотивы выражаются в форме конкретных событий погони или преступления, связанных с конкретными персонажами и конкретными обстоятельствами.

Внимание составителей словаря оказалось сосредоточенным на сюжетогенных мотивах, а в основу словаря легли по преимуществу принципы «сюжетных словарей», опробованных в русской и мировой фольклористике. Однако в отличие от всех предшествующих изданий сходного типа, в разрабатываемом словаре-указателе материал не ограничивается ни хронологически, ни тематически. Объединение в одном словаре сюжетов разных эпох выявляет исторический характер их жизни в литературе, позволяет увидеть зарождение сюжетов нового времени и угасание некоторых древнейших. В то же время ряд сюжетов («Договор человека с дьяволом», «Блудный сын») прослеживается на протя-

жении многих веков — от древнейшего периода до современности.

Основными принципами отбора сюжетов для включения в словарь явились два: наличие сюжета собственно в русской литературе и его повторяемость в творчестве разных писателей, а иногда и писателей разных эпох. Первый критерий важен при рассмотрении вопроса о «мировых» сюжетах, таких как «Фауст» или «Дон Жуан», — из них в словарь включаются только русские версии, основанные на местных переделках и переосмыслениях, но не переводы²⁰. Второй принцип решает проблему так называемых исторических сюжетов: за пределами словаря остаются очерковая проза или летописные рассказы, неизвестные по позднейшей традиции (например, художественно яркий рассказ об ослеплении Василька Теребовльского). В то же время сюжет о Дмитрие Самозванце, использованный не только древнерусскими авторами, но и писателями нового времени (от А.П. Сумарокова до М.А. Волошина и М.И. Цветаевой), непременно займет свое место в словаре.

Словарная статья строится как статья о сюжете. Приводится его название и, как правило, краткий пересказ, затем следует перечень произведений, в нарративах которых реализован данный сюжет. Поскольку для любого сюжета характерна его свертываемость до мотива (и напротив, сюжетогенный мотив способен развернуться в самостоятельный сюжет), в перечне произведений упоминаются и те, в которых сюжет проявлен только на первичном мотивном уровне. Завершает словарную статью краткая библиографическая справка об основных исследованиях, посвященных данному сюжету. Эта структура в основных чертах соответствует той, что принята в указателях сказочных сюжетов.

В названии сюжета во главу угла могут ставиться как указания на события, так и на персонажей. Идея унифицировать названия словарных статей, определяя центральные в описании сюжета «функции» (в понимании, близком к тому, которое развивал В.Я. Пропп), не была принята по той причине, что сами по себе функции как обобщения не передают тематических тонкостей всего состава сюжетов, что порой является единственным прочным основанием для установления связи между разновременными текстами. Именно так поступали и составители указателя сюжетов

восточнославянской сказки, где вводятся названия и по персонажу, и по элементу сюжетного действия. Кроме того, существуют общепринятые и давно употребляемые в сравнительном литературоведении и фольклористике названия сюжетов, в первую очередь «мировых», таких как, например, «Император и аббат». Менять эти названия не позволяет установившаяся научная традиция.

Изучение истории сюжетов в отечественном литературоведении идет неравномерно: об одних существуют монографические исследования (таковы, например, сюжеты о договоре человека с дьяволом²¹ или сюжеты о гордом царе²²), другие постепенно выявляются лишь в процессе работы над словарем, некоторые только намечены. Статьи словаря-указателя отражают эту естественную неравномерность: наряду с детально разработанным описанием сюжета, сопровождаемым библиографическими ссылками, в словарь включены статьи *названного* типа, т.е. такие, где лишь отмечено принципиальное существование данного сюжета в русской литературе. Такие статьи важны как знак неразработанности в современной науке; их цель — показать темы для дальнейшего исследования.

Словарные статьи группируются в разделы, что предполагает выделение тематически близких сюжетов и мотивов, которые могут влиять друг на друга и легко контаминируются. Это прежде всего связано с соотношением мотивно-сюжетного и собственно тематического начала в нарративной литературе.

Тема, с одной стороны, и мотив — с другой, — это две разнополюсные (как моменты статики и динамики) и вместе с тем сопряженные единицы литературной тематики в целом. Тема зависит от мотива, поскольку развертывается в нарративе посредством событийно выраженных мотивов. Именно поэтому характерная тема требует от писателя характерных мотивов. Но и мотив (а вслед за ним и сюжет) невозможно представить вне тематического начала. Мотив (и сюжет) без темы — это не более чем чистая идея перемены.

Экспериментальный выпуск словаря-указателя ограничивается группами: «Сюжеты библейские и апокрифические», «Мифологические сюжеты» и «Сюжеты о царях/правителях». Такой выбор был определен тем, что данные группы включают наиболее ранние типы сюжетов, вошедших в русскую

литературу на заре ее существования. Названия первых сразу говорят об их генезисе: библейские сюжеты тесно связаны с принятием христианства, с которого начинается и собственно русская литература, мифологические же в значительной мере опираются на еще дохристианскую систему верований и представлений древнерусского человека. Сюжеты о царях также являются одними из самых ранних. Еще Дж. Фрэзер писал о приравнивании царей к богам и их обожествлению²³. Анализ материала показывает, что в группе «Сюжеты о царях/правителях» большое место занимают известные еще в литературе XVII–XVIII вв. сюжеты о подменном, скрывающемся, неузнанном, нищем царе, о царе крестнике и т.п. Параллельно с ними бытуют созданные по сходной мотивной схеме сюжеты о Христе — «Христов крестник», «Христос-нищий», «неузнанный Христос» и т.п. Таким образом, на уровне анализа словарного материала была установлена несомненная связь сюжетов и мотивов о царях с христологическими мотивами, что и определило их место в словаре рядом с библейскими сюжетами.

Второй выпуск словаря-указателя, авторами которого являются Е.В. Капинос и Е.Н. Проскурина²⁴, посвящен сюжетам западноевропейской литературы в русской литературе и календарным сюжетам. Третий выпуск словаря, автором которого является М.А. Бологова²⁵, посвящен античным сюжетам и мотивам в русской литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Их обзор см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.И. Бараг, И.П. Берещовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979. С. 4–5.

² Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen. Helsinki, 1910 (Folklore Fellow Communication; N 3).

³ Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941. С. 73.

⁴ Thompson S. Motif-index of Folk Literature. Copenhagen, 1955–1958. V. 1–6.

⁵ Frenzel E. Stoff- und Motivgeschichte. Stuttgart, 1974; *Idem*. Stoff-, Motiv- und Symbolforschung. Stuttgart, 1978; et al.

⁶ См., напр.: Lurker M. Wörterbuch biblischen Bilder und Symbole. München, 1987.

⁷ Daemmrich H.S., Daemmrich I. Themes and Motifs in Western Literature: A Handbook. Tübingen, 1987.

⁸ Malek E. Русская нарративная литература XVII–XVIII вв.: Опыт указателя сюжетов. Lodz, 1996; *Она же*. Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв. Lodz, 2000.

⁹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы / Под ред. Е.К. Ромодановской, М.А. Бологовой, Е.К. Никаноровой, Е.Н. Проскуриной. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2003.

¹⁰ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы / Под ред. Е.К. Ромодановской. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2006. Вып. 2; Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы / Под ред. Е.К. Ромодановской. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2008. Вып. 3, ч. 1; 2009. Вып. 3, ч. 2.

¹¹ Тюпа В.И., Ромодановская Е.К. Словарь сюжетов и мотивов как научная проблема // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Новосибирск. 1996. Вып. 1: От сюжета к мотиву. С. 3–15; Ромодановская Е.К. Заметки к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Новосибирск. 1999. Вып. 3: Литературное произведение: сюжет и мотив. С. 3–9.

¹² Тюпа В.И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов // Материалы к «Словарю сюжетов...». Вып. 1. С. 16–23; *Она же*. К вопросу о мотиве уединения в русской литературе нового времени // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Новосибирск, 1998. Вып. 2: Сюжет и мотив в контексте традиции. С. 49–55; Шатин Ю.В. Мотив и контекст // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995. С. 5–16; Тмарченко Н.Д. Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему) // Материалы к «Словарю сюжетов...». Вып. 2. С. 38–48; Бальбууров Э.А. Мотив и канон // Там же. С. 6–20; *Она же*. Нарратив и сюжет как формы осознания времени // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Новосибирск, 2001. Вып. 4: Интерпретация текста: сюжет и мотив. С. 36–54; *Она же*. Фабула, сюжет, нарратив как художественная рефлексия событий // Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. Вып. 5. С. 71–78; Силантьев И.В. Семантическая структура повествовательного мотива // Материалы к «Словарю сюжетов...». Вып. 3. С. 10–28; *Она же*. Мотив в системе категорий нарратива // Там же. Вып. 4. С. 13–35; *Она же*. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. С. 32–60; *Она же*. Поэтика мотива. М., 2004; *Она же*. Сюжетологические исследования. М., 2009.

¹³ Prince G. A Dictionary of Narratology. Amsterdam (Hants). 1988. P. 58; Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 183–186.

¹⁴ *Тюпа В.И.* Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. С. 18–24.

¹⁵ *Якобсон Р.О.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 114.

¹⁶ *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика / Вступ. ст. Н.Д. Тамарченко; коммент. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. М., 1996. С. 179–180.

¹⁷ *Якобсон Р.О.* Два аспекта языка... С. 115.

¹⁸ *Тамарченко Н.Д.* Мотив преступления и наказания в русской литературе. С. 44; *Краснов Г.В.* Сюжеты русской классической литературы. Коломна, 2001. С. 25–26.

¹⁹ *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 493.

²⁰ Таков, например, сюжет «Вертера», проанализированный в связи с русской литературой В.М. Жирмунским (*Жирмунский В.М.* Гете в русской литературе. Л., 1982).

²¹ *Журавель О.Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996.

²² *Ромодановская Е.К.* Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. Новосибирск, 1984.

²³ *Фрезер Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. М., 1980. С. 104–123.

²⁴ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 2.

²⁵ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 3, ч. 1–2.